

"Память долговечнее идеологии"

О том, может ли общество формировать собственное отношение к событиям прошлого, противоречащее государственной политике, и есть ли возможность создания некоего общего пространства исторической памяти России и Европы, в интервью "Росбалту" рассуждает д.и.н., научный сотрудник кафедры истории Восточной Европы Университета Людвиг Максимилиана (Мюнхен), участник рабочей группы "Мастерская будущего" форума "Петербургский диалог" **Екатерина Махотина**.

— *Екатерина, сейчас вы пишете монографию, посвященную памяти о Второй мировой войне в Литве. Существует утверждение: кто формирует историю, тот программирует будущее. Что лежало в основе процесса формирования литовской исторической политики?*

— Все началось с движения за независимость. 23 августа 1989 года в трех прибалтийских государствах прошла мирная акция "Балтийский путь". Первым требованием этого движения было рассекретить пакт Молотова — Риббентропа, доказывающий, что имела место нелегитимная аннексия с последующей оккупацией. В те годы элитам прибалтийских государств было очень важно заявить, что советская власть была нелегитимной и предыдущие пятьдесят лет были именно оккупацией. Таким образом, ответственность за все события, произошедшие в этот период, возлагалась исключительно на коммунистическую власть. При этом не столько даже в Литве, сколько в Латвии и Эстонии акцент делается на том, что именно русские пришли и ввели чужеродный режим, т.е. между советским и русским ставится знак равенства. В популярном представлении о прошлом "свои" коммунистические элиты выносятся за скобки дискуссии.

Хотя надо оговориться, что в Литве, например, в современных трудах о советском периоде находит развитие тема поддержки снизу, рассматриваются роль общества и особенности локальных советских элит. Так, сейчас некоторые историки в Литве и Прибалтике в целом предлагают говорить не об оккупации, а о советизации общества, т.е. процессе, который шел на всей территории Советского Союза и не был исключительно насильственным.

— *И как воспринимаются мнения таких историков?*

— Национально-консервативные элиты в Литве иногда даже называют их "агентами Кремля". А если под сомнение публично ставится сам факт оккупации — нацистской или коммунистической, — может грозить и уголовная ответственность. Также за демонстрацию советской символики в публичном пространстве можно понести административную ответственность — это, однако, не касается военных орденов или медалей на военной форме.

Но, несмотря на все ограничения, такие голоса есть. Существует критическая школа литовских историков, представители которой пытаются донести мысль, что самовиктимизация, то есть представление себя исключительно в роли жертв, неконструктивна для общества. Можно привести также пример российско-литовской комиссии по истории, которая выпускает различные сборники документов по истории СССР и Литвы, начиная с 1939 года. Конечно, отношение к такой деятельности со стороны властей более чем негативное.

— *Сегодня все связанное с советским прошлым подается в Прибалтике в негативном ключе. В то же время, к периоду истории, связанному с поддержкой со стороны нацистской Германии, относятся с гораздо большим уважением. На ваш взгляд, почему так произошло?*

— Мне кажется, это очевидная функция консолидации общества в ключе национальной идеи. Так происходит во многих постсоветских и постсоциалистических национальных государствах, особенно в Венгрии, Словакии, Хорватии. Если мы говорим о том, что мы — жертвы системы, жертвы истории, то к нам нет вопросов, мы невинны. Это некое заграждение от критических вопросов к самим себе.

— *Но речь же идет не только об ответственности. Достаточно вспомнить марш легионеров, который каждый год проходит в Латвии — это уже похоже на некое воздаяние почета...*

— Во многом это вопрос к политическим элитам, которые принимают или не принимают участие в подобных демонстрациях. Когда какие-то субгруппы приходят на кладбище и вспоминают своих родственников, которые были в этих легионах, это не столь тревожно. А вот если общество видит поддержку со стороны политиков, то, конечно, это совсем другое дело. Можно привести несколько примеров, когда власти выказывали уважение к тем, кто сотрудничал с нацистским режимом во время оккупации. Например, в 2012 году останки главы временного правительства в оккупированной немцами Литве Юозаса Амбразявичюса были привезены из США и перезахоронены с почетом в церкви Каунаса. Такой шаг вызвал скандал. Международная общественность была очень взволнована тем, что в Литве чтут правительство, которое было псевдонезависимым под немецким руководством, принимало антисемитские законы и никак не препятствовало антиеврейским погромам.

— *А какой отклик находят среди населения такие действия? Они воспринимаются критично или с одобрением?*

— Чтобы достоверно ответить на этот вопрос, надо проводить точные социологические исследования. Если судить по прессе, то на поверхностном уровне члены того правительства в Литве считаются национальными героями.

Правда, здесь можно задать такой вопрос: если присоединение к СССР было насильственной оккупацией, то почему в 1940 году не оказывалось существенного сопротивления? Оно было оказано в 1941-м, когда в Литву уже вошла немецкая армия. Тогда и начались репрессии против подозреваемых в сотрудничестве с советской системой. В первую очередь, они коснулись литовцев, состоявших в коммунистической партии. А также евреев, которых всегда обвиняли в том, что они содействовали советской системе. Из-за этого сегодня между Израилем и Литвой довольно серьезный конфликт. В Израиле, разумеется, литовцы, причастные к этим событиям, считаются палачами — за их участие в погромах в первые месяцы войны и за связь с полицейскими батальонами. В Литве же, поскольку эти люди потом участвовали в антисоветском сопротивлении, их называют партизанами, лесными братьями — считают настоящими патриотами, которые боролись за независимость собственного государства.

Вообще, для Литвы вопрос независимости — это такая "священная корова". Литовскую историю можно при определенном фокусе рассказать как историю национальной борьбы против оккупации. Сначала Литва была в составе Российской империи, после Первой мировой войны была польская оккупация Вильнюса, потом немецкая оккупация, и за ней, конечно, советская. И вообще, до сих пор в Литве нет единого мнения, кто ее главный исторический враг — Польша или Советский Союз.

— В России складывается впечатление, что врагом №1 все же считают СССР и РФ как его правопреемницу.

— В России просто не видят, что у Литвы с Польшей тоже большой конфликт, связанный с исторической памятью. Например, в Польше долгое время оккупация Виленского (Вильнюсского) края во время Второй мировой войны называлась "литовско-немецкой оккупацией", так как Вильнюс в октябре 1939 года отошел Литве. И перемирие между польской армией (Армией Краевой) и литовскими местными подразделениями, которые воевали друг с другом во время немецкой оккупации, было официально заключено только в 2004 году. Это очень долгий процесс, который, конечно, связан с общеевропейской интеграцией и правилами евросоюзного добрососедства. Насколько это перемирие было воспринято в семейной памяти виленских поляков и литовцев как руководство к действию — вопрос для обширного исследования.

— На ваш взгляд, "антисоветский разворот" был неизбежен после обретения независимости? У России была возможность как-то смягчить такую резкую реакцию?

— В ранние 90-е в Вильнюсе и Москве были абсолютно одинаковые лозунги. Против пакта Молотова — Риббентропа, за осуждение фигуры Сталина. Среди населения была популярна лагерная проза — как ссыльных литовцев, так и Солженицына. На фотографиях тех лет, сделанных в Москве и Ленинграде, можно увидеть плакаты "Руки прочь от Литвы". В Литве также были лозунги наподобие "Мы не против русских, мы против советской системы". Был некий общий знаменатель, который заключался в отказе от советского прошлого. Потом уже все пошло своим путем. В Литве нашли национальное прошлое, которое состоит в том, что было некое золотое средневековье с литовскими рыцарями и Грюнвальдской битвой. А потом была история оккупаций — в первую очередь, советской, для которой вообще используют термин "геноцид". Что само по себе очень серьезное обвинение. К примеру, ни в Латвии, ни в Эстонии этот термин не используется.

— А как в большой общеевропейской семье относятся к такому специфическому восприятию прошлого, связанного с нацизмом?

— Есть два лагеря. В Западной Европе — в первую очередь, в Германии — к такой политике относятся очень критично. Немецкое научное сообщество видит в этом опасность отстранения от исторической ответственности за преступления национал-социализма, некое ретуширование памяти о войне на уничтожение, т.е. гитлеровской агрессии на Восточном фронте. И выступает, таким образом, против знака равенства между сталинизмом и национал-социализмом.

В Восточной и Центральной Европе более распространены такие же взгляды, как в Литве. Общая мысль заключается в том, что какие бы на нашей территории ни совершались преступления, виноваты не мы, виноваты чужие. Показатель такой политики — принятая Европарламентом в 2008 году пражская декларация "Память и совесть Европы". В результате ее подписания был учрежден день памяти жертвам двух тоталитарных систем — 23 августа, когда был подписан пакт Молотова — Риббентропа.

— В своих работах вы обращаете внимание на то, что в сознании подрастающего поколения в странах Прибалтики существует некий когнитивный диссонанс. Школьная программа рассказывает одно, но затем дети и подростки приходят домой, где далеко не все члены семьи столь же критично смотрят на советское прошлое. К чему может привести такое противоречие?

— В Литве мы видим пример, когда у учеников русскоговорящих и польскоговорящих школ, или у людей, биографически связанных с войной, совершенно другой взгляд на прошлое. У многих из них, как и везде на постсоветском пространстве, есть ностальгия по советской эпохе, когда было проще с вопросами трудоустройства и социальным обеспечением.

Среди представителей гражданского общества есть Социалистическая партия, Антифашисты Литвы (Фронтас) и другие левые движения, которые обращают внимание на то, что нельзя все рассматривать только в одном ключе. Надо стараться, чтобы не только власть, но и разные субгруппы в обществе находили себя в прошлом. Но насколько такая точка зрения отразится в исторической политике?.. Всегда была, есть и будет ситуация, когда власть навязывает один образ, а общество бережет свою память, которая отличается от официальной идеологии. Достаточно посмотреть, например, как это делала еврейская община. В том числе, и в советские годы.

— То есть общество может сохранить свою память вопреки государственной позиции?

— Возможно, если это не будет криминализировано. Если не будет вводиться уголовная ответственность за отдельные высказывания.

— В Литве есть такие примеры?

— Есть, к сожалению. Есть законы, согласно которым уголовной ответственности подлежат определенные высказывания. Смысл этого мне, как историку, непонятен. История как наука открывает различные документы. А историческая политика может их полностью игнорировать. Есть инстанции, которые следят за этим.

Этот вопрос сейчас очень актуален и для Украины. Там тоже стала проводиться политика, согласно которой другие точки зрения на историю, скорее всего, будут запрещаться. Посмотрим, насколько этот проект удастся идеологической номенклатуре.

— На ваш взгляд, сколько времени требуется, чтобы массовая историческая память оказалась "отформатирована"?

— На популярные представления об истории влияет не только законодательство, различные программы патриотического воспитания молодежи и официальный дискурс, каким он отражается в СМИ, но и литература, кино, искусство, и, конечно, новые медиа, социальные сети. Молодое поколение сейчас в основном использует соцсети для получения информации, и это касается, к сожалению, и исторических фактов. В интернете много экстремальных, если не сказать экстремистских парадигм, многие из них получают распространение. В то же время, есть и ирония, стёб по отношению к истории, к прошлому — например, свое время популярны были видео "ВождьTV", ролики Zhgun'a.

На данный момент нет какого-то однозначного подхода к прошлому. Единственный элемент истории, который общество воспринимает однозначно, — это значение победы в Великой Отечественной войне, отношение к ней, значимость этой памяти. Это абсолютно естественно, не было в Советском Союзе семьи, которой бы это не коснулось.

— *При смене исторической политики, как правило, меняются и герои. Тем, кого чтити еще несколько лет назад, в новой "исторической реальности" не находится места. На ваш взгляд, насколько это серьезная проблема? Есть ли у нее какое-то решение?*

— Данная проблема до сих пор актуальна в Литве. Местные ветераны Советской Армии в ранние 1990-е считались помощниками оккупантов, стигматизировались как преступники. В 1993 году они поменяли название на "Республиканский комитет ветеранов Второй мировой войны на стороне антигитлеровской коалиции, проживающих в Литве". Очевидно, им было важно избежать употребления прилагательного "советский". Ветераны видели только один способ сохранить свои позиции в обществе — получить международное признание, поэтому сделали упор на мотив борьбы на стороне союзников в антигитлеровской коалиции.

В конечном итоге как реабилитация исторических фигур, так и их вычеркивание из памяти — решение идеологов и власти. Государство определяет, какие жертвы ему нужны и какие герои. Но это не значит, что такие оценки сразу "принимаются" обществом. Альтернативная память может долго существовать в андерграунде, не соприкасаясь с официальной линией. Сейчас эта альтернативная память в странах постсоветского пространства кристаллизуется ярче всего 9 мая, в социальных практиках воспоминания победы в ВОВ. В этом году мы с коллегами в Берлине исследуем локальную, негосударственную память о войне и традиции воспоминания в День Победы. Это международный проект, в котором сотрудничают эстонские, российские, украинские, белорусские, молдавские, немецкие историки и антропологи. Такая память вне парада и "официоза", человеческая, живая память, на мой взгляд, более долговечна, чем конъюнктурные идеологемы.

— *Последние несколько лет показали, насколько у нас различные пространства памяти не только с Прибалтикой, но и с другими европейскими странами. Вы видите в будущем какую-то возможность сближения в этой области?*

— Мне кажется, что всегда есть некие межнациональные группы, у которых один и тот же взгляд на прошлое. Например, еврейская диаспора. Но вряд ли этот пример сейчас подходит для России и Запада. Мы же видим, как используется история и память в рамках политической демагогии и для решения определенных задач с обеих сторон. И никто не согласен от этого отказаться.

При этом я могу сказать, что немецкий и российский дискурсы наиболее близки друг другу — в том, что касается памяти о Второй мировой войне и восприятия 1945 года именно как освобождения. В Германии жива ответственность за нацистское прошлое. Есть высказывания, которые находятся вне рамок дискурса, — например, отрицание вины за Холокост и преступлений нацизма. Но это не везде так. По ситуации в Восточной Европе мы видим, что власть не всегда готова взять на себя такую ответственность.

Беседовала Татьяна Хрулева

Подробнее: <http://www.rosbalt.ru/main/2015/05/08/1396616.html>